

Как думает В. Мейерхольд строить социалистический театр? Этот вопрос давно интересует советскую общественность. Тем более, что разговоры, статьи, письма уходящих из театра им. Мейерхольда крупнейших актеров о кризисе этого театра не прекращаются.

Мейерхольд любит говорить об огромном размахе своей работы, об изобретательстве и экспериментировании, о создании новых путей и форм театральной культуры. Мейерхольд имел возможность экспериментировать так, как он этого хотел. Прошло 17 лет со дня основания его театра. Срок более чем достаточный для проверки опытов Мейерхольда.

В какой же связи с волнующими весь мир, всю советскую страну вопросами строительства социализма находится «новаторство» Мейерхольда? Каков политический итог работы его театра за годы жесточайшей классовой борьбы и завоеваний социализма.

Об этом общественность вправе спросить Мейерхольда в связи с крупным политическим провалом его театра в юбилейные дни. К 20-летию Великой пролетарской революции все советские театры подготовили юбилейные спектакли. И только Мейерхольд, который назывался одно время «вождем театрального Октября», пришел к юбилею с пустыми руками. Постановка пьесы Габриловича «Одна жизнь», написанной по мотивам романа Островского «Как закалялась сталь», была запрещена Всесоюзным комитетом по делам искусств, как политически вредный спектакль, извращающий историю героической борьбы советской молодежи на фронтах гражданской войны.

Случаен ли этот факт? Очевидно, не случаен, — он стоит в теснейшей связи со всей системой работы театра Мейерхольда.

Обратимся к репертуару, лучшему показателю политической линии театра. В нынешнем репертуаре театра не осталось почти ни одной советской постановки. И не мудрено. Театр Мейерхольда отличается от других наших советских театров своеобразная тенденция в выборе репертуара. В самом деле. Кто не помнит порочной пьесы «Земля дыбом» — спектакль этот был посвящен Троцкому; «Мандата» Н. Эрдмана — пьесы, которая клеветала на советскую действительность, будто бы захлестываемую мещанством; «Выстрела» Безыменского — пьесы с левацкими тенденциями и карикатурным изображением партийной организации, состоящей, по Безыменскому, сплошь из бюрократов; упорного отстаивания Мейерхольдом контрреволюционной пьесы Эрдмана «Самоубийца».

К десятилетию Октября театр имени Мейерхольда поставил «Окно в деревню». Об этой постановке Мейерхольд говорил с большим пафосом. Он уверял, что «Окно» не будет однодневкой и войдет в основной репертуар театра. Задачей спектакля было показать культурный рост деревни за десятилетие существования советской власти, влияние пролетарской революции на крестьянство. Деревня будет показана такой, как она есть, — обещал Мейерхольд. А на деле? Опять политически вредный спектакль, изображавший деревню темной и косной, смазывавший руководящую политическую роль рабочего класса в отношении крестьянства.

Любопытно, как Мейерхольд объяснял политическую фальшь постановки. На диспуте о спектакле он говорил, что, так как в Москве все театры изображают классовую борьбу, ему нет необходимости заниматься тем же. Немудрено, что, вопреки пророчеству Мейерхольда, эта постановка была очень скоро снята с репертуара. Политически неверным был и спектакль «Командарм 2» Сельвинского, в котором Красная Армия изображалась как неорганизованная партизанская масса анархистского толка.

С 1933 года Мейерхольд вообще не ставит ни одной советской пьесы. Он неоднократно заявлял на различных заседаниях и в печати, что Гостим обращается к старому и классическому репертуару потому, что хороших современных советских пьес нет. И в то же время сам Мейерхольд ничего не

сделал для привлечения в театр талантливых драматургов, для создания новых драматургических произведений, как это делают, хотя еще и недостаточно, другие театры. Не отсутствием у Мейерхольда организаторских способностей объясняется это, а недооценкой драматургии, пренебрежением к литературному тексту, который он стремится приспособить к своим режиссерским экспериментам.

Так же, примерно, относится Мейерхольд и к работе над классическим репертуаром. В угоду его личным творческим замыслам, иногда ничего общего не имеющим с научным-историческим подходом к художественному произведению («Ревизор», «33 обморока», «Горе уму»), он искажает классический текст и выхолащивает его содержание.

«Мы хотим действовать подлинно театральными приемами, которые одни могут быть убедительны на сцене», — говорит Мейерхольд. — «Именно методами театра мы надеемся достичь политического эффекта». «В целях увеличения пропагандистского воздействия спектакля мы пользуемся парадоксальными ситуациями и парадоксальными типами». Это, по Мейерхольду, единственная возможность раскрытия социальной сущности пьесы театральными средствами. Отсюда нагромождение всяческих конструкций, эквилибристика и биомеханика, преувеличенная роль вещи в спектакле. Когда режиссерская выдумка подчинена идейному замыслу пьесы, — тогда это блестяще. Но очень часто эксперименты Мейерхольда оказыва-

лись новаторством ради новаторства и обнаруживали неумение Мейерхольда создать произведение реалистического искусства.

Рецидивы эстетства сочетаются в режиссерской работе Мейерхольда с откровенным натурализмом. Неумение дать конкретно исторический образ, проникнуть в социальную природу произведения рождает бездушные маски и схемы на сцене театра.

К Мейерхольду необходимо предъявлять особые требования как к крупному мастеру, обладающему известной культурой и достаточным опытом, чтобы создавать образцы социалистического искусства. Между тем, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны советской общественности, Мейерхольд всегда игнорировал их, продолжая или практику творческого отмалчивания или линию порочного экспериментаторства.

На многочисленных диспутах Мейерхольд неоднократно каялся за себя (но главным образом за своих последователей).

Возвращаясь же в театр, он снова занимал старые позиции, убивавшие живую плоть искусства и умертвлявшие все его творчество.

Так неправильная политическая линия театра за последние годы, связанная с игнорированием советской тематики, все более делала театр Мейерхольда чуждым героическому советскому народу, нашему искусству, подлинно народному, правдивому, высокодейному и радостному искусству социализма.

Н. НЕМЧЕНКО